

Отзыв
официального оппонента на рукопись диссертации
Кузеванова Виктора Сергеевича
«Сибирские архитекторы в 1930–1950-е гг.:
профессиональная деятельность, социальные институты и повсе-
дневные практики (на материалах Омска и Новосибирска)»,
представленной на соискание ученой степени
кандидата исторических наук
по специальности 07.00.02 – Отечественная история

Постсоветская отечественная историография за четвертьвековой период своей динамики демонстрирует несколько векторов, направлений, отчасти взаимодействующих, отчасти конкурирующих друг с другом. Среди них очевидным образом следует отметить своеобразный традиционализм, нацеленность на утверждение некой новой, но при этом единой, как некогда, научной парадигмы, чему противостоят поиск и разработка новаций, связанных с многообразием концепций и подходов к изучению проблем отечественной истории. Следует иметь в виду и то, что в сравнении с советской эпохой значительно трансформировалась иерархия исследовательских приоритетов: вместо доминировавших истории классов и партийно-политической тематики общественным приоритетом пользуются работы по изучению этно-конфессиональных и социально-культурных процессов, структур исторической повседневности и т. д. Общепризнанной стала практика применения историками в своих исследованиях методов других социально-гуманитарных наук. Более того, современная историческая работа не может обладать искомой актуальностью и новизной своих подходов, оценок и выводов, если она не опирается не только на собственно исторический, внутродисциплинарный, но и на междисциплинарный инструментарий.

Рецензируемое диссертационное исследование Виктора Сергеевича Кузеванова претендует именно на то, что оно выполнено в данном

формате, оптимальным образом сочетающем подходы некоторых исторических субдисциплин с подходами других, смежных с историческими научными направлениями. Об этом свидетельствует формулировка темы диссертации, которая предполагает ее позиционирование как комплексного изучения социальной истории культуры и интеллигенции, институциональной истории, истории повседневности с применением подходов культурологии, регионоведения, урбанистики.

Далее перейдем к оценке работы, исходя из тех параметров и характеристик, которые требуют отражения в отзыве официального оппонента.

Актуальность диссертационной работы В.С. Кузеванова определяется тем, что в ней находят отражение потребность в получении новых научных знаний о сталинской эпохе как особом драматическом периоде взаимоотношений тоталитарной системы с корпоративными группами отечественной интеллигенции, потребность в понимании того, как складывались и трансформировались механизмы директивного управления и контроля над деятельностью творческой интеллигенции, оставляя тем не менее коридор возможностей для реализации ею своего интеллектуального потенциала.

Степень обоснованности выполненной автором научной аналитики следует оценивать исходя из совокупности следующих условий: корректно сформулированной исследовательской программы, соответствия структуры работы данной программе, корреляции цели и задач с основными положениями работы, вынесенными на защиту, и выводами, изложенными в заключении. На наш взгляд, все отмеченные компоненты диссертационной работы в необходимой степени взаимоувязаны. Так, основная цель работы («выявить характерные черты профессиональной деятельности сибирских архитекторов 1930–1950-х гг. в условиях складывания системы управления отраслью, создания социальных институ-

тов и повседневных практик на материалах Омска и Новосибирска» – автореферат, с. 7) адекватно закреплена в структуре работы, состоящей из трех глав, где на значительном эмпирическом материале диссертантом рассмотрены базовые параметры, обеспечивавшие функционирование архитектурно-проектной отрасли – политико-экономические, организационно-технологические и социально-культурные. Именно следование в своем научном анализе рассмотрению упомянутой выше триады во взаимосвязи действия объективных и субъективных факторов – от институциональных структур до поведенческих стратегий и практик – позволило В.С. Кузеванову добиться необходимых результатов. Все положения, вынесенные на защиту (а их семь – автореферат, с. 12), находят в основном тексте диссертации обоснованное и доказательное воплощение. В частности, автор показал в динамике процесс формирования управляемой государством архитектурной деятельности (рукопись, с. 50, 68), реконструировал механизмы установления и реализации внутрикорпоративного контроля посредством создания Союза советских архитекторов (ССА) и его региональных организаций (рукопись, с. 79, 122–123), обосновал выделение в архитектурном сообществе трех групп с точки зрения их творческих и профессиональных позиций (рукопись, с. 137, 147, 155), выделив две формы повседневных практик (производственную и социокультурную), показал их органическую взаимосвязь (рукопись, с. 186–187, 190, 217), обосновал сходство и различия в реализации архитекторами Новосибирска и Омска своих функций в исследуемый период (рукопись, с. 230–231).

Достоверность полученных результатов обеспечена путем оптимального сочетания в исследовании количественных (формирование широкой и разнообразной источниковой базы) и качественных (адекватное использование научного инструментария) показателей. Диссертант проделал весьма значительный объем работы по выявлению и обработке

эмпирического материала. Он скрупулезно проработал не только относящиеся к предмету его изучения документы и материалы государственных и ведомственных архивов, но и фонды и коллекции федеральных и региональных музеев. Показателем профессиональной исследовательской культуры является тщательность работы с привлекаемыми для работы исследованиями других авторов. В.С. Кузеванов, по нашему мнению, охватил и применительно к своим задачам встроил в текст эмпирику и оценки максимально возможного числа авторов, корректно их цитируя. В работе исторического профиля широко и в то же время органично использован такой корпус источников, как архитектурно-проектная документация, что позволяет установить освоение автором технологии ее «прочитывания» на предмет извлечения содержащейся в ней необходимой для исследования историко-культурной информации.

Новизна научных положений, выводов. По нашему мнению, работа обладает необходимым уровнем новизны. Базовым основанием для такого утверждения является прежде всего то, что В.С. Кузевановым осуществлено комплексное исследование политических, производственно-экономических, социокультурных и поведенческих аспектов регионального отряда архитекторов, выявлены основные внутренние и внешние факторы, обусловившие структурно-функциональную трансформацию данного сообщества в исследуемый период. Диссертант разработал и реализовал эффективную модель рассмотрения основных форм деятельности архитекторов с использованием институционального подхода, проанализировав в динамике их формирования и дальнейшего функционирования три базовые институции – административные, производственные и общественные (рукопись, с. 229).

Практическая значимость полученных результатов может лежать прежде всего в научно-образовательной сфере, на что справедливо указывает сам диссертант (автореферат, с. 12–13). За пределами указанных

областей результаты авторского исследования можно рассматривать в качестве обоснования исторической экспертизы в случае заказа управленческих структур на ретроспективный анализ последствий принимавшихся решений по развитию регионального градостроительства в советский период.

Общая оценка содержания диссертации и ее завершенности дается исходя из полноты и цельности реализации исследовательской программы, намеченной автором при определении объекта и предмета, цели и задач работы, соответствия ее структуры заданным параметрам, а также соответствия положений, вынесенных на защиту, оценкам и выводам, содержащимся в заключении. Мы подтверждаем, что основные параметры исследовательской программы, заявленной во введении, нашли свою адекватную реализацию в основной части текста и в заключении. На наш взгляд, диссертант грамотно сочетает в диссертационном исследовании собственные авторские разработки и оценки с соответствующими разработками и оценками известных зарубежных и отечественных социальных историков, историков архитектуры, культурологов.

Переходя к критической части отзыва, отметим, что выявленные в работе некоторые недостатки по своей природе скорее относятся к т. н. болезням роста, или недоработкам, встречающимся в работах молодых исследователей. Другая часть наших замечаний носит дискуссионный характер, объясняемый сложностью предмета изучения и неоднозначностью трактовок тех или иных исторических событий и процессов в литературе.

Методологический раздел работы представляет собой краткую характеристику ключевых дефиниций, а также применяемых в исследовании методов и подходов. Диссертант должен был здесь четко обозначить свои методологические приоритеты, а именно предложить своего рода триаду: макроуровень, теорию среднего уровня и принципы анализа со-

бытий на микроуровне. Если следовать логике, заявленной диссертантом, то теоретическим ядром в работе выступает синтез институциональной и социальной истории, что позволяет охватить ключевые области исследования. Однако В.С. Кузеванов свел свой обзор к характеристике методов и их адаптации к задачам исследования. Это привело к некоторому диссонансу в восприятии данного раздела с качественно выполненным обзором литературы, в котором есть оценки и подходов, и концепций.

Здесь очевидно ощущается некоторая неполнота подраздела (назовем его категориальным), где раскрыты основные, ключевые для данной работы, понятия, такие как «интеллигенция», «архитекторское сообщество», (рукопись, с. 38–39), вокруг которых выстраивается стержень самой работы. Следовало пополнить данный подраздел такими понятиями, как «корпорация» (в соотнесении с термином «сообщество»), «социальный заказ», «соцреализм». Кроме того, автор закавычивает словосочетание «сталинская эпоха» (автореферат, с. 15), хотя оно существует в литературе как устоявшееся, равно как, допустим, петровская эпоха, эпоха Ивана Грозного. Современному исследователю данной эпохи невозможно обойтись без рефлексии относительно таких базовых понятий, как «сталинизм», «тоталитаризм», «мобилизационная экономика» и др. Мы обращаем на это внимание, поскольку диссертант не обозначил соответствующие акценты в положениях, выносимых на защиту и в диссертационном заключении (в частности, о формах и последствиях дискриминационно-репрессивной политики в отношении групп интеллигенции в сталинскую эпоху).

Обнаруживается некоторая несогласованность формулировки темы диссертации со структурой работы. В названии порядок задается следующий – профессиональная деятельность / социальные институты / повседневные практики. В основной части работы сначала рассматриваются

политика и институты (гл. 1), затем профессиональная деятельность (гл. 2), далее – повседневность и внепрофессиональная деятельность (гл. 3).

При соотнесении формулировок объекта – предмета – цели – задач возникает ряд вопросов, требующих уточнения. Диссертант описывает динамику происходивших в региональных профессиональных сообществах процессов с использованием категорий «складывание» применительно к системе управления, «оформление», «создание» применительно к институциональной форме, творческому союзу (рукопись, с. 37). В основных положениях, выносимых на защиту, говорится о том, что система управления отраслью прошла три этапа своего складывания в течение двух изучаемых десятилетий (автореферат, с. 13). Тогда логичен вопрос: в этих хронологических рамках данный процесс завершился, или были последующие этапы того, что автор называет несколько расплывчатым термином «складывание»? Другой, логически связанный с предыдущим вопрос о синхронности стадий институционализации ССА с трансформациями государственной управленческой системы в архитектурно – строительной области. В рамках изучаемого периода происходили существенные изменения в направлениях и формах профессиональной деятельности архитекторов, которые также требуют своей внутренней периодизации.

Требует дальнейших обсуждений и вопрос о статусе архитекторов в иерархии групп интеллигенции. Он весьма непрост. Исследователи (В.Г. Рыженко) констатируют, что в деятельности архитекторов сочетаются начала и производительного, и творческого труда, что делает их своего рода пограничной стратой между инженерно-технической и творческой группами интеллигенции. Но ведь практически в любом виде интеллектуального труда имеется творческая компонента, в том числе и в инженерном труде. Другое дело, что соотношение компонентов производства и творчества окажется различным для тех или иных корпора-

тивных групп специалистов; кроме того, одни более массовые, нежели другие. Внутри этих корпоративных групп существовали свои иерархические отношения и деление на «базовую» и «лидерную» страты.

Одна из центральных и дискуссионных проблем, рассматриваемых и решаемых диссертантом, – это природа и формы взаимоотношений между властью и архитектурным сообществом. Диссертант опирается в данном случае на разработки указанной проблематики В.Г. Рыженко, С.Г. Сизовым, Г.А. Янковской и др. В целом мы согласны с тем, что здесь, хотя и в специфической форме, имело место своего рода соглашение «ресурсы в обмен на управляемость и контроль за творчеством», т. е. устанавливаемые институциональные «правила игры», и в этом контексте уместно сравнение с тем, как протекала в советскую эпоху деятельность других корпораций – скульпторов и художников, также связанных с властью «соцзаказом». Между тем, в диссертации данная проблема рассматривается фрагментарно, несистемно, а межкорпоративные контакты и взаимодействия лишь обозначены, хотя здесь интересный сюжет для компаративистики.

Вернемся к уже поднятой выше проблематике значения и последствий для жизнедеятельности профессиональной корпорации архитекторов дискриминаций и репрессий. Прямых репрессий (аресты, ссылка, тюрьмы, лагеря), возможно, в долевым отношении было немного, и они отчасти описаны в ряде работ новосибирских историков архитектуры (В.М. Пивкин). Однако куда важнее не прямое воздействие карательной политики сталинского режима на архитектурную корпорацию, возможно, не менее разрушительное и деструктивное с точки зрения влияния на внутрикорпоративные взаимоотношения, да и на профессиональную деятельность тоже (укрепление установок и ориентаций на государственный патернализм и конформистская адаптация к условиям тоталитарной системы).

К этому примыкает еще одна важнейшая проблема, связанная с политикой и практикой сталинской эпохи, – выделение в ней официальной и теневой, закрытой политики, в том числе в осуществлении градостроительства, часть которого в сталинское время осуществлялась в особом, режимном формате (от «высоток» в Москве до «атомоградов» на Урале и в Сибири), к разработке и реализации которых привлекались архитекторы и проектировщики. Для данной диссертации это не стержневая, а, скорее, контекстная линия, но заметим, что и до, и во время, и после войны архитекторы сталкивались с лагерной экономикой (в частности, комплекс зданий для Западно-Сибирского филиала АН СССР возводился с использованием труда заключенных).

Диссертант, на наш взгляд, весьма тезисно, или, пользуясь профессиональной терминологией, эскизно охарактеризовал феномен корпоративной культуры. Есть анализ институциональных форм, но этого явно недостаточно. Для всякого корпоративного сообщества, по мере его сформированности, существуют такие атрибутивные признаки, как профессиональная этика, нормы общения и коммуникации и т. д. Они трудно поддаются реконструкции, но ставить задачи такого рода необходимо.

Данные замечания в большинстве своем носят рекомендательный характер для дальнейшей работы диссертанта над этой темой и не влияют на те общие положительные оценки качества рукописи, которые сделаны нами выше. Работа В.С. Кузеванова написана грамотным, профессиональным научным языком, текст автореферата в полной мере соответствует основному содержанию диссертации. Основные положения и выводы проведенного автором исследования отражены в 23 научных публикациях, в т. ч. три из них опубликованы в журналах из перечня ВАК. Тексты рукописи и автореферата диссертации соответствуют стандартным требованиям к их оформлению.

Диссертация Виктора Сергеевича Кузеванова, представленная на соискание ученой степени кандидата исторических наук, является научно-квалификационной работой, в которой содержится решение важной задачи ретроспективного анализа причин, условий, механизмов и факторов, обусловивших формирование архитектурских сообществ крупных сибирских городов и их адаптацию к политическим, экономическим и социокультурным реалиям 1930-х – первой половины 1950-х гг. Это имеет существенное значение для получения нового научного знания о природе и принципах функционирования корпоративных групп интеллигенции в советскую эпоху, что соответствует требованиям п. 9 «Положения о присуждении ученых степеней» от 24 сентября 2013 г. № 842. В.С. Кузеванов заслуживает присуждения искомой ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.02 – Отечественная история.

Красильников Сергей Александрович,
доктор исторических наук по специальности
07.00.02 – Отечественная история, профессор,
ведущий научный сотрудник сектора
истории социально-экономического развития
Федерального государственного бюджетного
учреждения науки Институт истории
Сибирского отделения Российской академии наук.
630090, г. Новосибирск, ул. академика Николаева, д. 8.
Телефон: (383)330-13-49,
e-mail: lamin@history.nsc.ru;
web-сайт: <http://www.history.nsc.ru>

25 января 2016 г.